

ПЛЕННИЦА ЗВУКОВ

Русские сегодня не любят Россию и живут в ней так, будто собираются куда-то уехать, утверждает Галина Вишневецкая

независимая газ. — 1999 — 22 мая — с. 9-10

что ни от чего больше не получаешь столько удовольствия. Но работа — это прежде всего ответственность, а не удовольствие. При этом, если не любить свою работу, ее результат может не удовлетворять работодателя. Человек не имеет права плохо работать, особенно сейчас — не те времена. К плохому работнику, ремесленнику не обратятся за услугами, он никому не нужен. Может быть, при таком условии люди научатся хорошо выполнять свою работу.

— Отечественная культура сейчас страдает от отсутствия финансирования. Насколько, на ваш взгляд, эта проблема определяет качественный уровень произведений искусства?

— Думаю, что намного важнее отсутствие профессионализма. Это относится и к вокалистам, и к драматическим актерам, которые играют по наитию, не владея техникой актерского мастерства. Инструменталистам удается достичь и сохранить определенный уровень за счет того, что они дольше учатся. Часто в профессиональных театрах вижу любительские спектакли. Не говорю об эстраде, эстрадные певцы — это бесстыдство и вульгарность. Русская эстрада копирует жуткие западные образцы, и то, что свойственно другой культуре, преломляется у нас в нечто страшное. Подражательство вообще ужасно. Конечно, есть талантливые певцы, но их очень мало.

— А вообще в вашей жизни есть место для поп-арта?

— Нет, я этим не увлекалась никогда. Не то чтобы от меня это очень далеко, но я признаю эстраду и рок-музыку при условии, что в них присутствует вкус и мастерство. На Западе этого больше, а у нас, пожалуй, Пугачева, Киркоров, ну и... кто еще?

— А кто на Западе?

— Я их не принимаю так близко к сердцу, как наших. Кто там — мне все равно, честно говоря. Я не люблю слушать Мадонну, но тем не менее это мастерство. Джексон — это техника, телодвижения, аппаратура, шоу, но мне все это безразлично.

— Как вы думаете, должен ли талант быть с кулаками?

— Нет, кулаки нужны бездарности. И не только кулаки, но и много подлости нужно бездарному человеку, чтобы пробиться. А таланту нужна целеустремленность и ясность, чего он хочет вообще от жизни.

— Извините за дерзкий вопрос, Галина Павловна, но не возникало ли у вас, самодостаточной личности, хотя бы кратковременных «приступов» творческой зависти к коллегам?

— Мне так много было дано в жизни Богом, что я могу только благодарить и вспоминать свою счастливую карьеру. Думаю, что больше ни у кого такого счастья не было. Я пришла в

театр в 25 лет без консерваторского образования, на другой же день стала первой певицей, триумфально прошла все годы, не зная унижения на сцене, и вовремя ее оставила. И вразумил на все это меня Господь, свыше мне был дан знак: всему свое время. У меня было трудное детство — осталась одна девчонкой, в блокаду, через все прошла. Может быть, в награду Господь подарил мне такое...

— Трудности необходимы для формирования личности?

— Думаю, что надо человеку через них проходить, надо научиться с ними бороться, выживать. У Марины Цветаевой есть маленькая книжечка высказываний, одно из которых меня потрясло: «Дать можно только богатому и помочь только сильному». Вот опыт всей моей жизни». ...Невероятную вещь сказала! Можно помочь выжить бедному, больному, несчастному, но все равно он не станет сильным. Генерально, сурово, жестоко! Вот она — жизнь...

— Было ли в вашей жизни тяжелое испытание, за которое вы все-таки благодарны судьбе?

— ...Трудно сказать. Я никому не пожелаю бы того ужаса, через который мне пришлось пройти в жизни... Нет, не было такого испытания, не хотелось бы мне снова через это проходить. Нет.

— Галина Павловна, как вы пережили разлуку с родиной, «болели» ностальгией?

— Во мне было такое чувство ярости после того, что произошло, когда я должна была все оставить и уехать с одним чемоданом, имея за плечами 30 лет творческой карьеры. Мне было 47 лет, так же, как и моему мужу... Какая ностальгия! Я даже вспомнить не могла об этой стране. Кроме ярости, во мне ничего не было... И ушло это чувство только после того, как Большой театр в 91-м году предложил мне сделать юбилей 45-летия творческой деятельности. Я с радостью согласилась... Вышла на эту сцену и... как будто камень с меня свалился. Я счастлива, что это произошло. Наверное, отрицательное чувство и не ушло бы никогда, если бы не тот выход на сцену. Когда я увидела зал, которому отдала столько любви, сил, молодость... шаг на сцену — и все! Отпустило...

— А ностальгию по сцене сейчас испытываете?

— Нет, как будто закончился отрезок жизни. Странно... Ностальгия мучила, если бы я закончила рано. Но мне было уже 60 с лишним лет, это нормально. На сцене я с 17 лет, и получается, что пробыла на ней 50... Например, Мария Каллас потеряла голос, когда ей не было и сорока. Она жила в Париже через дом от меня. Я хорошо ее знала и знала, как она жила. Она очень страдала, была страшно одинока, редко где появлялась и вся была в своих ощущениях потери сцены. Это ужасно...

А я ушла с триумфом в 82-м году, пела Татьяну, 8 спектаклей в Гранд Опера. Этот спектакль был поставлен специально для меня... А потом я пела несколько лет в концертах, и оперные партии пела, но в костюме не вышла больше никогда. Перестала петь примерно к 90-му году. Так

что все прошло нормально. Я всегда при деле: даю мастер-классы, помогаю певцам, книгу написала, а французский композитор Пирандовский написал по ней оперу, которая прошла в Ливорно и в Польше, сама ставила спектакли, драму играла, в кино снялась...

— И сейчас вы заняты созданием музыкальной академии в Москве. Это будет частное предприятие?

— Да, это настолько новое дело, что нужно как-то устраиваться. Строительство, можно сказать, закончено, и уже скоро нужно будет созывать профессуру. Должна получиться интернациональная школа оперного пения. В каком-то определенном месте я никогда не хотела преподавать, первым и единственным в этом роде станет академия.

— Значит, вы станете не только директрисой, но и педагогом?

— Все буду делать.

— Не является ли целью вашей академии поставить конкуренцию консерватории?

— Нет, это совершенно другое, это ступень между консерваторией и театром. Такой пробыл всегда существует, во всех странах мира. А между тем просто необходимо дать возможность певцу, технически подготовленному в консерватории или частным образом, создать несколько оперных партий при взаимодействии с дирижером, режиссером, оркестром и т.д.

— Сейчас консерватория находится в бедственном положении, ведущая профессура разъехалась по зарубежным школам, практически не оказывается государственная материальная поддержка, и, конечно, уровень обучения не может не страдать от этого. У вас есть возникло желание оказать помощь консерватории?

— Нет, я не денежный мешок. Вся жизнь сама работаю и представляю, что и другие могут работать, зарабатывать и давать деньги, если считают нужным. Я даю деньги, и мой муж до сих пор работает, не зная покоя. У нас есть свой фонд, цель которого — помочь детям. Это Педиатрическая академия и 1-я детская больница в Петербурге, больница в Оренбурге, мы построили родильный дом, несколько лет назад открыли детский дом в Кронштадте. Позор, что в городе Петра, в крепости, которую он основал, до последнего времени никто не знал, что такое детский дом! Прошли через войну, блокаду... Сейчас там живут 46 человек — дети, которых выбросили на улицу. Прежде чем помогать взрослым, нужно помочь детям, которых взрослые таким своим отношением ставят на грань гибели и уничтожения. Взрослым мы не помогаем. Взрослые довели страну до такого состояния, все годы советской власти спокойно смотрели, что происходит, а теперь так поступают с детьми. Страна наполнена детскими домами! В деревнях есть детские дома! Вы слышали такое?! В войну такого не было: если родители погибали, детей брали чужие семьи... Люди ходят с флагами, говорят, что им есть нечего, пьют водку до помутнения рассудка и выгоняют своих детей на улицу. Никогда в России такого не было. Озверение народа...

— Галина Павловна, во имя верности дружбе вы лишились родины. Оправдана ли цена?

— Когда мой муж заступился за Александра Солженицына, которого травил, травля перешла и на него, ему не давали играть, отказывали в площадках для выступлений, и если бы мы не уехали, он бы погиб. Вопрос стоял уже не о дружбе, а о спасении моей семьи. Я приняла решение и я это сделала.

— Но, наверное, когда шла поддержка Мстиславом Леопольдовичем опального друга, вы не могли не догадываться, чем это грозит?

— Знала, конечно. Но если я убеждена в своей правоте, то буду идти до конца. Я всегда считала преданность, порядочность и ответственность в отношениях между людьми более важными, чем любовь.

— Существуют ли в вашем сегодняшнем окружении люди, способные пожертвовать чем-либо ради вашего спасения, может быть, не в такой большой степени, как потеря родины, но просто пойти на жертву?

— Когда Ростропович оказался в такой ситуации — речь в основном о нем, я же все время была в театре и, «прижимали» или нет, все равно выходила на сцену, — вояжу шла открытая травля, ни один человек, ни один (!) не заступился... Я не претендую на то, чтобы человек из-за меня шел на амбразуру, но предательств всегда было очень много. Никогда не мшу таким людям, просто вычеркиваю из своей жизни, они для меня больше не существуют.

— Не можете простить предательство?

— Могу простить, но не могу забыть.

— При общении с людьми, с чем вы встречаетесь чаще, с расчетом или с искренностью?

— Физически не выношу лести и вранье, поэтому около меня было мало друзей. Своей дружбе я придаю очень большое значение, всегда высоко ценила свои качества, и человеческие, и артистические, не переоценивая, но и не опускала планку. Поэтому мне бесполезно лстить. Но когда из немногих близких людей тебя предаст друг... это ранит очень тяжело. Разочарование в друге и пережить-то бывает трудно, это может эмоционально убить человека. Навсегда. И не воскреснет больше...

— Мне кажется, что раньше люди придавали дружбе более высокий смысл, а сейчас он деградировал до уровня приятного времяпрепровождения и взаимной выгоды. Как вы думаете, изменилось ли понимание дружбы?

— У меня всегда было мало друзей! А у Славы их до сих пор много. Для него все друзья, объятия, поцелуи, на брудершafft через полчаса после знакомства: «Вася, ты друг на всю жизнь!» (смеется). Я в этом смысле другой человек. Наверное, все-таки не время определять дружбу, а человек. Действительно, многие отношения держатся на выгоде и необходимости, но это должно носить иное название, это уже не дружба.

— Любовь, по-моему, возникает чаще, чем дружба.

(Окончание на стр. 10)

Галина Вишневецкая.
Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

Арина Абросимова

— ГАЛИНА ПАВЛОВНА, вы, как человек посвятивший свою жизнь музыке, можете согласиться с тем, что лучший звук — это тишина?

— Нет, не могу. Я всегда находилась в плену звуков. Тишина приятна и прекрасна, когда

хочется покоя от усталости. Но что может быть волшебней звука человеческого голоса?

— Для вас работа и удовольствие от жизни — взаимоисключающие понятия?

— Работа — это удовольствие. Все для меня связано с искусством. Любимый человек считает, что работа в искусстве — это красота и расширение кругозора. Но не только. Талант, желание созидания и радость от творчества. И ничем другим заниматься невозможно, потому